

От редакции. В номере третьем за 2023 г. в «Японских исследованиях» была опубликована статья А.В.Луговского, Ю.С.Пестушко и Е.В.Савеловой «Инсулярность как ядро этнокультурной идентичности (на примере сравнительно-сопоставительного анализа Великобритании и Японии)». Поднимаемые в ней вопросы показались нам весьма важными, так что мы решили продолжить начатый разговор и предоставили слово А.Н. Мещерякову, который высказал некоторые соображения, соотносящиеся с указанной статьей.

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-98-110

Восприятие «островной» Англии в «островной» Японии

А.Н. Мещеряков

Аннотация. Островное положение оказывает серьезное влияние на ход исторического процесса и менталитет обитателей той или иной страны. Однако это положение «работает» только в совокупности с другими факторами. И Япония, и Англия являются окруженными морем островными государствами, но для истории Англии характерно максимальное количество контактов с внешним «материковым» миром, а для Японии вплоть до середины XIX в. – минимальное. Наблюдаемый в японской истории периода Токугава пассивный подход к освоению пространства объясняется следующими факторами: высокой продуктивностью рисосеяния, отсутствием животноводства, представлениями о том, что Японские острова обладают наилучшим климатом, политикой «закрытой страны» сёгуната Токугава. В период Мэйдзи под влиянием Запада (в первую очередь, Великобритании) отношение к освоению пространства меняется коренным образом. Море начинает осмысляться как «проводящая», а не «изолирующая» среда. Выбор Великобритании как образца для подражания был обусловлен, в первую очередь, ее опытом по освоению морского пространства и создания мощной колониальной империи. Переход к новой модели «расширяющегося пространства» оправдывался также ссылками на глубокую древность, когда японцы обладали «активным» характером, но политика «закрытой страны», которую практиковал сёгунат Токугава, «испортила» японцев. В результате побед в войнах с Китаем (1894–1895) и Россией (1904–1905) Японию начинают именовать «Англией Востока». Великобритания перестает быть образцом для подражания после ее выхода в 1922 г. из японо-английского союзного договора. Теперь общественный дискурс направляется в сторону обоснования самобытности японцев. Автор подвергает сомнению устоявшуюся характеристику японцев как приверженцев традиции. Апелляция к древности действительно имела для них большое значение, и в этом смысле их можно считать «традиционалистами». Начиная новое, они искали (и находили!) его истоки в прошлом. После революции Мэйдзи японцы продемонстрировали поразительную способность к восприятию «нового», но часто предпочитали думать и говорить, что «всего лишь» вспомнили о своем прошлом. Автор полагает, что понятие «традиционность» является слишком широким и абстрактным. При ближайшем рассмотрении оно мало что дает для понимания исторических и культурных процессов, которые требуют тщательного расчленения на составляющие, имеющие точную хронологическую и ситуационную привязку.

Ключевые слова: Япония, Англия, островное положение, инсулярность, период Токугава, период Мэйдзи, национальный характер, эмиграция.

Автор: Мещеряков Александр Николаевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института классического Востока и античности Высшей школы экономики (Москва, 101000, Мясницкая, д. 20). ORCID: 0000-0001-6004-5743; E-mail: meshtorop@yahoo.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мещеряков А.Н. Восприятие «островной» Англии в «островной» Японии // Японские исследования. 2024. № 1. С. 98–100. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-98-110

The perception of “insular” England in “insular” Japan

A.N. Meshcheryakov

Abstract. The insular position has serious influence on history and mentality. However, this provision “works” only in conjunction with other factors. Japan and England are island nations, but the history of England is characterized by the maximum number of foreign contacts, while that of Japan, until the middle of the 19th century, by the minimum one. The passive approach to space in Tokugawa period is explained by the following factors: high productivity of rice cultivation, lack of livestock farming, the conviction that Japan has the best climate, and the “closed country” policy. During the Meiji period, under the influence of the West (primarily Great Britain), the attitude towards space changed radically. The sea was conceptualized as a “conducting,” rather than “isolating” environment. The choice of Great Britain as a role model was determined, first of all, by its experience in the conquest of maritime space and the creation of a powerful colonial empire. The transition to a new model of “expanding space” was also justified by references to ancient times, when the Japanese had an “active” character, but the “closed country” policy “spoiled” the Japanese. As a result of military victories over China (1894–1895) and Russia (1904–1905), Japan began to be called “England of the East.” Great Britain ceased to be a role model after its withdrawal from the Japanese-British Alliance Treaty in 1922, and public discourse was directed towards justifying the uniqueness of the Japanese. The established characterization of the Japanese as adherents of tradition is dubious. The appeal to antiquity was indeed of great importance for the Japanese and, in this sense, they can be considered “traditionalists.” But, after the Meiji Revolution, they demonstrated amazing ability to embrace the “new” and destroy the “old,” but often boasted that they were “merely” recollecting their past. The concept of “traditionality” is too broad. Upon closer examination it does not provide much for understanding historical and cultural processes which require careful division into components that have an exact chronological and situational reference.

Keywords: Japan, England, island location, insularity, Tokugawa period, Meiji period, national character, emigration.

Author: Meshcheryakov Alexander N., Dr. of Letters (History), Chief Researcher, Institute of Classical Oriental and Antiquity, Higher School of Economics (Moscow, 101000, Myasnitskaya, 20). ORCID: 0000-0001-6004-5743; E-mail: meshtorop@yahoo.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Meshcheryakov, A.N. (2024). Vospriyatie «ostrovnoi» Anglii v «ostrovnoi» Yaponii [The perception of “insular” England in “insular” Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 1, 98–110. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-98-110

Статья А.В.Луговского, Ю.С.Пестушко и Е.В.Савеловой «Инсулярность как ядро этнокультурной идентичности (на примере сравнительно-сопоставительного анализа Великобритании и Японии)» [Луговской, Пестушко, Савелова 2023] посвящена важнейшей

проблеме – влиянию географического фактора (в данном случае островного положения) на национальный характер и способы этнокультурной самоидентификации. В этом тексте присутствуют, главным образом, культуроведческие размышления. Мне хотелось бы дополнить их взглядом историка. Поскольку японские реалии мне знакомы намного лучше английских, это будет взгляд, прежде всего, с японской стороны. Некоторые из представленных в данной статье идей были впервые высказаны в моей монографии, специально посвященной трансформациям в осмыслении пространства в японской истории и культуре [Мещеряков 2014; Мещеряков 2022].

Природные условия и тип хозяйствования

Островное положение, безусловно, оказывает самое серьезное влияние как на ход исторического процесса, так и на менталитет обитателей той или иной страны. Однако это положение «работает» только в совокупности с другими факторами. И Япония, и Англия являются окруженными морем островными государствами, но для истории Англии характерно максимальное количество контактов с внешним «материковым» миром, а для Японии вплоть до середины XIX в. – минимальное. И это несмотря на то, что и Англия, и Япония находятся на расстоянии от материка достаточно близком, преодоление которого не вызывало непреодолимых трудностей.

Каковы же факторы, которые способствуют (или не способствуют) открытости (или закрытости) островной страны? Прежде всего, это природные условия, подходящие для того или иного типа хозяйствования. От этого типа напрямую зависит численность (плотность) населения, которая, в свою очередь, определяет ту или иную поведенческую стратегию страны и ее населения по отношению к пространству.

Сельское хозяйство Англии было основано на животноводстве и выращивании зерновых культур. Эти культуры (пшеница, овес, ячмень) дают принципиально более низкий урожай, чем рис, составлявший основу пищевой диеты японцев. Пищевой ресурс токугавской Японии, получаемый с единицы площади, значительно превосходил таковой в любой европейской стране. Японским крестьянам удавалось получать урожай риса сам-50 (т.е. 15–16 ц/га) и даже больше – самые высокие в мире [Науами 2009, р.60–81]. В XVI-XVIII вв. урожайность зерновых в Европе составляла 5-6 ц/га [Баччи 2010, с. 26].

Пастбища занимали значительную часть английской территории, пригодной для хозяйственного освоения, а измеренная в калориях продуктивность животноводства значительно уступает растениеводству. Таким образом, с точки зрения насыщения населения животноводство оказывалось намного менее эффективным, чем растениеводство. Кроме того, значительная часть продукции последнего служила в Англии для прокорма животных, а не людей. Мальтус посчитал, что для обеспечения питанием населения Англии плодами полеводства требуется 2 419 746 акров земли, в случае же напитывания того же количества людей мясом необходимая территория увеличивается до 44 475 478 акров [Мальтус 1895, с. 46–47]. Тем не менее, в списке его мер, направленных на уменьшение демографического давления, отказ от мясной диеты не значился, поскольку это означало бы полную перестройку хозяйственных навыков и пищевых привычек населения, а также отказ от символического значения мяса в английской картине мира.

В Японии животноводство не получило сколько-то серьезного развития – прежде всего в связи с его малой продуктивностью, ограниченностью сельскохозяйственных угодий, а также с запретом буддизма на поедание убоины (рыба в эту категорию не попадала). Поэтому все пригодные площади отдавались под растениеводство (с упором на рисосеяние). При этом именно рис считался престижным продуктом потребления. В связи с указанными факторами

численность (плотность) населения в Японии и Англии (более-менее сопоставимых по размеру территории) различались драматическим образом. На начало XVIII в. население Японии составляло более 30 млн человек, а Англии – 4,9 млн. Лишь к 1900 г. оно увеличилось до 30 млн [Баччи, 2010, с.18] – через полтора века после того, как этот уровень был достигнут в Японии. Но Томас Роберт Мальтус забил тревогу по поводу перенаселенности Англии уже в конце XVIII столетия, когда там проживало «всего» 8,6 млн человек. В Японии же стали волноваться относительно избыточного населения еще в конце XVII в. [Мещеряков 2023, с.74–77]. Демографическая обеспокоенность в этих странах стала высказываться при сильно различающейся численности и плотности населения.

Роль внешних миграций в истории

Для облегчения демографической нагрузки Япония и Англия (Великобритания) выбрали диаметрально противоположные стратегии. Хотя Англия пыталась увеличить пищевой ресурс за счет улучшения агротехники и внедрения новых культур (прежде всего, картофеля), это не привело к радикальному улучшению ситуации. Страшный голод 1845–1849 гг., вызванный неурожаем картофеля, решительно усилил уже наблюдавшуюся тенденцию к внешней миграции, которая осуществлялась морским путем. За время голодных годов население Ирландии сократилось приблизительно на 20–25% (один миллион погиб, еще один эмигрировал – в основном, в Америку). Таким образом, морская среда рассматривалась не только как изолирующая, но и как проводящая среда. Это стало возможным ввиду создания судов (сначала парусных, а потом паровых), способных преодолевать морские просторы.

Япония была тоже окружена морями, но это не привело к осмыслению моря как проводящей среды. Пионерский дух был мало проявлен в японской истории. Несмотря на огромное влияние буддизма, японцы не предпринимали попыток добраться до его родины – Индии. Сёгунат Токугава вообще запретил строительство больших судов. Вплоть до середины XIX в. японские мыслители согласно превозносили море, которое «защищает» от иностранных вторжений. Расхожим стало определение Японии как «страны-крепости, окруженной водой». Токугавской Японии явление внешней миграции было абсолютно незнакомо. И дело не только в пресловутом «закрытии» страны, но и в том, что выращивание риса способно прокормить намного большее население. Случаев голода зафиксировано не так мало, но никогда голод в Японии не имел таких катастрофических масштабов, как в Англии.

Рисосеяние требует создания сети трудоемких ирригационных сооружений и формирует прочный комплекс оседлости: люди предпочитают совершенствовать уже имеющуюся инфраструктуру, а не искать «за морем» лучшей доли. Пассивный подход к освоению пространства подкреплялся серьезными идеологическими доводами. В соответствии с конфуцианскими постулатами, японские мыслители полагали, что их страна находится в центре мира и обладает наилучшими природными условиями для выращивания риса, а потому освоение новых территорий и внешняя миграция не имеют никакого смысла. Осознание того, что страна перенаселена, не привело к миграциям, хотя расположенный рядом с территорией «основной» Японии остров Хоккайдо был практически незаселенным. Однако сколько-то серьезных попыток его колонизации не проводилось: тамошний климат не позволял выращивать рис, а «культурные» люди (то есть японцы), должны, как считалось, питаться именно рисом.

Представление англичан об идеальных условиях существования имело пространственный характер (остров Утопия Томаса Мора), а утопические представления японцев – временной («золотой век», благословенное время предков).

Внутренняя миграция в Японии в период Токугава тоже не приняла сколько-то масштабного характера. Крестьянское отходничество было достаточно распространенным явлением, но осуществлялось, как правило, в пределах своего княжества (их насчитывалось около двух с половиной сотен) и не приводило к окончательному откреплению крестьянина от своей деревни. Если добавить к этому, что въезд в страну тоже был запрещен, и в Японии существовало строгое сословное деление, то становится понятным, почему оппозиция «свой-чужой» была выявлена с очень большой определенностью (намного большей, чем в Англии). Она распространялась не только на иностранцев, но и на все японское общество. Оно было жестко фрагментировано как по социальному, так и по географическому принципу, так что ни о какой единой нации не могло быть и речи. Человек идентифицировал себя по сословной принадлежности, месту рождения, принадлежности к тому или иному княжеству.

Несмотря на определенное сходство географического положения, до революции Мэйдзи исторические пути Японии и Англии имели между собой мало общего. Англия решала (и создавала) многие свои проблемы за счет внешнего фактора (эмиграция, войны, колониальные завоевания), а Япония сосредотачивалась на использовании внутренних ресурсов. Со своим демографическим давлением японцы справлялись не за счет эмиграции, а за счет ограничения брачности (далеко не всем младшим сыновьям разрешалось вступать в брак, безбрачие практиковалось и среди значительной части буддийского духовенства), позднего вступления в брак, широкого распространения инфантицида, развитой сети публичных домов (их посещение предотвращало рождение «нежеланных» детей для мужчин, а сами проститутки, как правило, прерывали беременность или прибегали к инфантициду) [Мещеряков 2023, с. 132–149].

Несмотря на радикальную разницу в картине мира, в обеих странах сложился выраженный комплекс превосходства. Но если в Англии он был связан с осуществлением концепции расширяющегося национального пространства и сопутствующего восторга по поводу своих пионерских (империалистических) достижений, то в Японии, наоборот, полагали, что именно закрытость страны и защищенность ее от «вредных» иностранных влияний обеспечивает социальный мир и непревзойденную самобытность. При этом большие размеры иных стран расценивались как сугубо отрицательный фактор. Известный астролог и географ Нисикава Дзёкэн (1648–1724) полагал: обычаи людей в Индии и Китае ввиду их чересчур больших размеров настолько разнообразны, что это приводит к политической нестабильности и смене правящих династий – явление, которого не знала Япония [Nishikawa 1988, с. 25].

Англия как образец для подражания для Японии

Вместе с революцией Мэйдзи уходит и гордость по поводу своей изолированности от мира, а сёгунат Токугава начинают поносить за то, что он закрыл страну и лишил ее достижений западной цивилизации. Япония становится открытой страной, вступает в полноформатные отношения с международным сообществом и начинает жить по правилам, которые, однако, были выработаны не в Японии, а на Западе. При столкновении с ним японцев охватывает комплекс неполноценности, ибо к ним приходит осознание того, насколько далеко ушел Запад в цивилизационном отношении за время добровольной автаркии. Однако это понимание не привело к безвольному отчаянию, а стимулировало поиски путей для преодоления отставания.

Прежде всего требовалось выбрать привлекательный образец, которому следовало следовать. Знаменитый просветитель Фукудзава Юкити (1835–1901) в своей известной книге «Призыв к учению» («*Гакумон-но сусумэ*») призвал японцев учиться у обобщенного Запада. Но у кого именно? Великобритания была тогда безусловным мировым лидером в промышленности, науке и военном (особенно военно-морском) деле, что позволило создать самую мощную

колониальную империю, над которой «никогда не заходит солнце». Распространенность в мире английского языка тоже играла огромную роль. Поэтому выбор Англии (а, вернее, Великобритании) в качестве модели для подражания выглядит вполне объяснимо.

Существовало и чисто случайное историческое обстоятельство, склонявшее Японию в сторону Англии: во время противостояния между сторонниками сёгуна Ёсинобу и юного императора Мэйдзи Англия поддержала именно его, а Франция – сёгуна. Поскольку победа в гражданской войне осталась за сторонниками императора, английские советники нового правительства оказывали на него самое существенное влияние и способствовали «англизации» Японии. Среди приглашенных в страну преподавателей и специалистов насчитывалось больше всего англичан, которые намного опережали выходцев из других стран. Основным иностранным языком, изучавшимся в японских учебных заведениях, стал английский в его «классическом» британском варианте. В качестве учебных материалов с неизбежностью использовались книги на языке оригинала, а в отношении накопленного книжного богатства Англия далеко превосходила Америку. Такие важные для истории японской мысли фигуры, как Утимура Кандзо, Оакура Тэнсин и Нитобэ Инадзо, писали свои труды не только по-японски, но и по-английски. «Засилье» английского языка в образовательных учреждениях в начале периода Мэйдзи было столь велико (некоторые предметы преподавались только на английском), что Нацумэ Сосэки, вспоминая свои школьные годы, писал: временами мы ощущали себя как бы индийцами и подданными Великобритании [Sōseki 1957, p. 234]. Наиболее «видимым» аспектом вестернизации стал правительственный зал приемов Рокумэйкан, где устраивались балы и маскарады на западный лад, поскольку японская элита всеми силами пыталась продемонстрировать, что Япония стала «цивилизованной» страной. Рокумэйкан был возведен по проекту английского архитектора Д. Кондера. Здание министерства военно-морского флота построил тоже он.

Разумеется, Япония училась не только у Великобритании. Так, прусская армия послужила моделью для японских сухопутных сил, что повлекло за собой и укоренение в Японии немецкой медицинской школы (западная медицина первым делом вводилась приказным порядком именно в армии). Франция послужила образцом для создания современной полиции и юридической системы. При содействии американских специалистов началось освоение Хоккайдо. И, тем не менее, именно британское влияние следует признать наибольшим. Особо следует отметить его «транспортную» составляющую – Япония училась у Великобритании навыкам освоения пространства. Английские специалисты строили первые японские железные дороги, одним из побочных следствий чего стало принятие левостороннего движения. До этого времени левостороннее движение было принято только в самой Великобритании и ее колониях. Но, пожалуй, главным в этом отношении был британский опыт освоения морского пространства – «столбовой» путь, по которому устремилась (поплыла) Япония. Море расценивается теперь не как изолирующая, а как проводящая среда. Важно при этом отметить, что восхищение Англией отнюдь не всегда означало восхищения человеческими свойствами ее обитателей. Многие из находившихся в Японии английских дипломатов и торговцев совершенно в духе того расистского времени вели себя по отношению к японцам высокомерно и оскорбительно. Оказавшийся в 1862 г. в Англии Фукудзава Юкити обнаружил там не только расистов и заключил: «Все-таки в мире водятся не только подонки» [Fukuzawa 2021, p.155–156]. В 1886 г. разразился жуткий скандал: у берегов Японии затонул английский корабль «Нормантон». Сама команда спаслась, но моряки ничего не сделали, чтобы спасти японских пассажиров. Японцы увидели в этой трагедии еще одно подтверждение презрительного отношения англичан к японцам. Пожалуй, никто (или почти никто) из японцев не полагал, что англичане (и европейцы вообще) могут служить примером в моральном отношении. Очень многие японские «западники», черпавшие свои знания из книг, оказывались разочарованы, побывав в западных странах. Особенно это касается японцев, получивших христианское воспитание в Японии [Hirakawa 2008, p. 210–228].

Их идеалистические представления о Западе бывали разрушены, когда они сталкивались там с воровством и обманом, безжалостной конкуренцией, алчностью, презрительным отношением к «азиатам» и другим «цветным», двоедушием, огромным имущественным разрывом между богатыми и бедными, отсутствием социального мира...

Тем не менее, цивилизационные достижения Великобритании оказывались более весомыми, чем недовольство человеческими качествами самих англичан.

Уровень амбиций японского истеблишмента был высок, и в качестве главного образца для подражания значилась именно Великобритания. Фукудзава Юкити с восторгом встретил начатую Японией в 1894 г. войну против Китая. Он расценивал ее как схватку между цивилизацией и дикостью. Победа «цивилизации» должна была привести, по его мнению, к радикальному упрочению позиций Японии в мире. В августе 1894 г. он писал в передовице издаваемой им газеты «Дзидзи симпо», что в результате победы Япония должна стать «азиатской Англией», когда все японское будет считаться в Азии за эталон: язык, еда, одежда – точно так же, как все английское является образцом для западного мира [Huffman 1997, p. 205–206].

«Западники», подобные Фукудзава, хотели догнать Запад за счет подражания ему, но у нативистов, настаивавших на необходимости сохранить самобытность Японии, это вызывало неприкрытое раздражение. Журнал «Нихондзин» («Японцы») объединял вокруг себя людей, которые выступали против безоглядного «озападнивания» Японии, уподобляя его «мимикрии» у низших животных, которые – в силу своей беспомощности – вынуждены менять окрас кожи, чтобы не быть сожранными более сильным. Издеваясь над оголтелыми западниками, Сига Сигэтака (1863–1927) с возмущением писал в июньском номере журнала «Японцы» за 1888 г., что они хотят отбелить желтую кожу, перекрасить волосы и глаза, превратить Камакуру в Виндзор, а синтоистское святилище Цуругаока Хатиман – в Кентерберийский собор. Но журнал «Нихондзин» был тогда изданием сугубо периферийным, его не раз запрещали за страстную критику настроенного на прозападный лад правительства. Авторы «Нихондзин» еще не осознавали, что «западники» мечтают о том же самом, что и они: сделать Японию великой державой.

Дискуссия об островном положении

Каких бы убеждений ни придерживались японцы, в качестве «точки отсчета» почти всегда значилась Англия. В начале периода Мэйдзи они характеризовали свою страну как крошечную, островную, отсталую. Однако в результате широкомасштабных реформ Япония добилась значительных успехов в создании государственных институтов, в экономике и образовании, организации вооруженных сил. Определение «островная», с которым прочно ассоциировалась Япония, никуда не делось, но теперь оно переставало восприниматься в связке с «отсталостью». И в этом отношении Англия снова выступила в качестве примера и образца.

В своей работе 1894 г., посвященной влиянию географического фактора на историю, видный мыслитель Утимура Кандзо (1863–1930) сетовал: Япония окружена обширными морями, однако она не сумела воспользоваться этим преимуществом – точно так же, как Индия или Китай, она не уделяла морю должного внимания, страшилась его, а потому в течение длительного времени была уединенной страной на самом краю Востока. Поэтому она и не сумела расширить свою территорию, ведь «история моря – это история экспансии». Поэтому Япония не сумела стать такой же огромной, как Великобритания или Россия. «История начинается в горах, проходит через равнины и завершается в море. Отсутствие одного из этих элементов означает невозможность здорового развития» [Uchimura 2011, p. 152–153, 50–51].

А потому, рассуждал Утимура, Японии надлежит освоить морскую стихию, и тогда «островная Япония» сумеет приобщиться к материковости. Утимура настаивал на том, что историческая миссия морской Японии – соединять в торговом и культурном отношении разные материки, подобно тому, как Англия соединяет Европу и Америку, Сицилия – Европу и Африку, а Кипр – Европу, Африку и Азию. «География отвечает на вопрос о небесном предназначении страны под названием Япония: оно состоит в том, чтобы быть посредником между Западом и Востоком, а потому разве можно говорить о ее ущербности? Это то небесное предназначение, которым не стыдно гордиться великому народу» [Uchimura 2011, p. 66–69].

Весной того же 1894 г. в журнале «Друг народа» («Кокумин-но томо») появилась статья Кумэ Кунитакэ «Характер островитян». Ее смысл сводился к тому, что раз такая островная страна, как Англия, сумела стать супердержавой, то и для Японии тоже существует такая возможность. Поэтому и японцы могут (должны!) развить в себе те же самые качества, которыми обладают англичане: открытость, смелость, решительность, готовность к покорению пространства. В глубокой древности японцы обладали этими качествами, но потом «изнеженные» хэйанские аристократы и ксенофобский режим Токугава превратили японцев в пассивных, глупых и никчемных людей.

Именно такая обнадеживающая, с оглядкой на Англию, трактовка термина «островная страна» становится господствующей в Японии конца XIX – начала XX в. При таком подходе Япония и Великобритания оказывались в одном понятийном поле, что способствовало и их политическому сближению: в 1902 г. между Японией и Англией был подписан союзный (по существу, военный) договор. В Японии начинают часто называть свою страну «Англией (Великобританией) Востока». Это соположение было односторонним: Япония хотела походить на Англию, но трудно себе представить, чтобы англичане желали походить на японцев. В Японии высказывалась идея о переходе страны на английский язык, но ни в каком сне не может привидеться, что англичане вдруг решили отказаться от своего языка в пользу японского. Это были отношения учителя и ученика: английские инструкторы и офицеры обучали японцев премудростям военно-морского дела, а не наоборот. Английским языком владели многие японцы, англичан же, выучившихся японскому, насчитывались единицы. В Японии издавалось огромное количество переводов английских книг самого разнообразного содержания, в Англии же переводов с японского обнаруживалось ничтожно мало. Японцы учились в английских учебных заведениях, но не наоборот. Японцев привлекал не столько пресловутый консерватизм англичан или овсянка на завтрак, сколько их научно-технические достижения, пионерский дух, способность покорять морские просторы, расселяться по миру и создавать колонии. Еще в 1875 г. Фукудзава Юкити восхищался тем, что поскольку Англия производит высокотехнологичные товары с высокой добавленной стоимостью, это приносит ей богатство, население растет, и потому англичане сумели расселиться по всему миру [Fukuzawa 2009, p. 279–280].

Публикация Кумэ Кунитакэ вышла накануне японо-китайской войны. В результате нее Япония получила свою первую колонию – Тайвань, то есть восхищение Великобританией и англичанами приобрело практическое измерение. После победоносной войны с Россией территория Японии приросла Южным Сахалином, а в 1910 г. была аннексирована Корея. Обожаатели Англии могли быть довольны: японцы доказали себе и миру, что японцы и вправду походят на англичан в их империалистическом измерении, и оппозиция «свой-чужой» по отношению к ним стала выглядеть со стороны Японии сильно размытой водами мирового океана, который еще не был окончательно поделен на сферы влияния. Как и Великобритания, Япония превращалась во «владычицу морей». Как и Великобритания, Япония превратилась в «многонациональную» империю, что служило предметом неприкрытой национальной гордости. Можно было бы заявить, что Япония в этом отношении походит на Францию или США, но выговорить это было невозможно ввиду того, что эти страны, в отличие от Великобритании,

не были монархиями, а ведь императорский дом служил в самой Японии главным элементом государственной конструкции. Другое дело Великобритания – визиты в Японию членов ее правящего дома всегда рассматривались как дело первостепенной важности и свидетельство особо близких отношений. Некоторые элементы тамошней церемонии восхождения монарха на престол послужили образцом для части действ, связанных с воцарением императоров Тайсё (на троне в 1912–1925 гг.) и Сёва (1925–1989).

Но сходство между японцами и англичанами касалось прежде всего государственной мощи. Что касается бытовых привычек, то, несмотря на все старания западников, реформировать стиль жизни японцев, эти усилия далеко не всегда приводили к значимым результатам. Так, например, усиленная пропаганда мясо-молочной диеты, призванная сделать японцев более рослыми и крепкими, не принесла сколько-то ощутимых последствий. Помимо физиологических и психологических причин неприятия пищевых новшеств, существовали и серьезнейшие материальные основания для сколько-то широкого распространения западной диеты: крестьяне не производили достаточное количество мясо-молочных продуктов, ибо основная часть угодий была отдана под выращивание риса как более продуктивного вида деятельности. В 1920-х гг. 98% пищевых калорий поступало в организм японца за счет растительной пищи. Из них половина приходилась на рис, а 15% на пшеницу (хлебобулочные изделия и лапшу) [Yanaihara 1928, p. 160]. Так что попытки перехода на мясо-молочную и хлебную диету на практике имели весьма ограниченное количество успешных результатов. Доступ к этим продуктам имели далеко не все японцы. В особенности это касается мяса, которое оставалось продуктом престижного городского потребления. В 1911–1915 гг. потребление мяса составляло всего 3,6 г. в день на душу (тело?) населения. К концу 1930-х гг. этот показатель подрос до «целых» 10 г. Соответствующие показатели по молоку составили 2,9 и 9 г [Sūji 1986, p. 198]. Можно было бы сказать, что произошло многократное увеличение, но на это утверждение любой англичанин ответил бы лишь снисходительной улыбкой.

Мечта о том, что японцы, подобно англичанам, сумеют расселиться по всему миру, тоже, по большому счету, закончилась неудачей. Население быстро росло, и, чтобы ослабить демографическое давление, правительство усиленно призывало японцев добровольно эмигрировать и даже материально помогало им в этом, но они предпочитали оставаться дома – комплекс оседлости не изживается так быстро. Публицисты и специалисты по демографической политике обвиняли японца в «чрезмерной» любви к своей малой родине, считая ее за большой недостаток, но это не помогло делу: переселенцев насчитывалось слишком мало [Мещеряков 2022а, с. 78–94]. Японцы были согласны воевать и завоевывать, но переселяться в колонии навсегда они не желали.

От восхищения к враждебности

Период, когда Япония равнялась на Англию, оказался по историческим меркам коротким. После победы в войне с Россией японцы стали считать, что их родина встала вровень с западными державами, и европейцы стали держать японцев «за своих». Доказательством тому было участие Японии в Первой мировой войне, в которой она выступила на стороне Антанты. Ее участие оказалось минимальным, но она все равно очутилась в стане победителей. Однако Запад отнюдь не желал признавать Японию равным партнером. На Версальской мирной конференции, подводившей итоги Первой мировой войны, делегация Японии предложила, чтобы в устав создаваемой Лиги Наций было внесено положение о расовом равенстве. Однако из-за противодействия США и Великобритании оно не было принято, что больно ударило по национальному самолюбию японцев. В 1922 г. Великобритания вышла из союзного договора с Японией, заключенного в 1902 г. Рядовой японец считал, что его страна

поступила «благородно», когда проявила верность японо-английскому союзу и в начале Первой мировой войны объявила войну Германии. «Предательское» поведение Англии вызвало бурю негодования, японцы считали себя обиженными, Англию стали обвинять в вероломстве, а восхищение Англией сменилось сначала более прохладным отношением, а потом и неприкрытой ненавистью.

В первые годы Мэйдзи книга англичанина Самуэля Смайlsa Self-Help («Самопомощь»), превозносившая предприимчивость и индивидуализм, пользовалась огромной популярностью и разошлась тиражом в миллион экземпляров. В общественном дискурсе 1930-х годов англичане выступали уже как алчные, лживые и беспринципные колониалисты и грабители, а их «индивидуализм» преподносился как «эгоизм». В теперешней трактовке японский «национальный характер» не имел с английским ничего общего: японцы представляли как народ с коллективистскими ценностями, которые воплощались в беспримерном самопожертвовании и готовности положить жизнь за родину и императора – качества, которыми англичане были обделены. Считалось, что по этим параметрам японцы вообще не знают себе в мире равных, ибо обладают «духовностью», которой лишены западные «прагматики» и «материалисты».

Стремительная смена настроений по отношению к Англии доказывает, что «англомания» японцев была обусловлена прежде всего геополитическими соображениями. При изменении политической ситуации исчезло и восхищение. В 1930-х гг. Соединенные Штаты Америки начали считать «аппендиксом» Великобритании, а «англосаксы» (наряду с СССР) стали фигурировать в качестве экзистенциального врага Японии.

«Традиционность» японцев

Расхожее мнение состоит в том, что японцы являются народом, приверженным традициям. Если это и верно, то только отчасти. В период Мэйдзи произошло радикальнейшее изменение картины мира, и поначалу все основные ценностные установки эпохи Токугава подверглись ожесточенной критике. Из закрытой страны с принципиально стабильной территорией Япония превратилась в страну открытую, ее государственные границы подлежали расширению, понятие «прогресс» сменило установку на следование дорогой предков. Таким образом, представления о хронотопе – едва ли не основной характеристике любой культурно-цивилизационной модели – были полностью пересмотрены под прямым влиянием Запада, основным представителем которого стали считать Великобританию.

Порывая с токугавским прошлым, идеологи объявляли, что «древние» японцы были совсем другими. Токутоми Сохо, один из ведущих журналистов того времени, в 1894 г. выпустил книгу «О расширении территории великой Японии» («Дайниппон ботёрон»). В ней он утверждал: поскольку предки японцев три тысячи лет назад покорили бурное море и обосновались на Японском архипелаге, то нынешнее стремление расселиться по миру есть «всего лишь» их естественное желание возвратиться на свою прародину [Tokutomi 1894, p. 2].

Наши знания об эпохе, отстоящей от нас больше, чем на три тысячи лет, и сейчас являются весьма ограниченными. Однако совершенно понятно, что никаких «японцев» тогда не существовало. Но в данном случае работала типичная логика мэйдзийского времени, зачастую представлявшая «новое» (европейское) за хорошо забытое «старое» (японское). Подтверждений тому можно привести множество. Так, например, японский император никогда не был военным предводителем, но образ Мэйдзи стали кроить по европейскому лекалу, приписали ему военную функцию и облачили в военный мундир, оправдывая это тем, что в глубокой древности император якобы являлся верховным главнокомандующим.

Это, безусловно, не соответствует исторической действительности, ибо императорский род имел не военное, а жреческое происхождение. Япония никогда не была моногамной страной, но под влиянием Запада она значительно приблизилась к этому «идеалу» и легитимизировала его за счет создания свадебного религиозного ритуала, в соответствии с которым принц Ёсихито (будущий император Тайсё) оформил свой брак [Мещеряков 2023а, с. 185–195]. Ни буддизм, ни синто никогда не освящали свадебного обряда, он был изобретен только в начале XX в., но выдавался за древнесинтоистский. Даже такая новаторша, как отчаянная феминистка Хирацука Райтё (1886–1971), в первом номере журнала «Синий чулок» (1911 г.) не нашла ничего лучше, как оправдывать свои западнические феминистские убеждения апелляцией к глубокому японскому прошлому: «В древности женщина была солнцем. В ней была заключена истинность. Теперь же женщина стала луной. Она живет, завися от других, она светит лишь отраженным светом, она – луна с ее бледным ликом больного человека» [Hiratsuka 1983, p.14].

Примеры подобного рода можно множить и множить. Они свидетельствуют о том, что апелляция к древности действительно имела для японцев большое значение, и в этом смысле их можно считать «традиционалистами». Начиная новое, они искали (и находили!) его истоки в прошлом. Это была далекая, протяженная и плохо верифицируемая древность, в которой при известном желании можно обнаружить все что угодно. После революции Мэйдзи японцы продемонстрировали поразительную способность к восприятию нового, но часто предпочитали думать и говорить, что «всего лишь» вспомнили о своем прошлом. Они очень многое позаимствовали с Запада, в частности, из Англии. Хотя и в Японии находилось немало хорошего, Запад, и, в частности, Англия, не позаимствовали из Японии практически ничего. И кого в таком случае следует считать более «консервативными» – англичан или японцев? Японцы стали оказывать реальное влияние на европейский строй жизни, в частности, на англичан только в 1960-х гг., когда страна Япония продемонстрировала впечатляющие экономические успехи, которые произвели на мир колоссальное впечатление. Что касается времени непосредственно после окончания Второй мировой войны, то высокомерное отношение англичан к «япошкам» блистательно описано, в частности, в прекрасном романе Каги Отохико «Столица в огне» [Кага 2020, р. 434–446].

Начиная с 1960-х гг. влияние Японии на западный и восточный миры коснулось пищевой диеты, дизайна, эстетики, поп-культуры, трудовой этики, менеджмента, изобретений, товаров, языка и многого другого. Фукудзава Юкити мечтал о подобном влиянии на Азию, которое будет завоевано в результате победы в китайской войне. На деле же оказалось, что эта цель достигается с помощью «мягкой силы», а сила «жесткая» здесь ни при чем. Япония потерпела разгромное поражение во Второй мировой войне, но затем добилась огромных успехов в мирном соревновании в Западом, оставив Англию далеко позади во многих отношениях.

Заключение

Представляется, что понятие «традиционность» слишком широко и огульно. При ближайшем рассмотрении оно мало что дает для понимания исторических и культурных процессов, которые требуют тщательного расчленения на составляющие, имеющие точную хронологическую и ситуационную привязку. Точно таким же дифференцированным образом следует относиться и к термину «национальный характер» – хотя бы потому, что это не раз и навсегда застывшая данность, а динамичное и текучее образование.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баччи Массимо Ливи. Демографическая история Европы. Санкт-Петербург: Alexandria. 2010.
- Кага Отохико. Столица в огне / под общ. Ред. А.Н.Мещерякова, пер. А.П.Беляева, А.В.Костыркина, А.Н.Мещерякова, С.А.Родина, Е.Б.Сахаровой, Е.С.Тарасовой, М.В.Торопыгиной. Санкт-Петербург: Гиперион. Т.3.
- Луговской А.В., Ю.С.Пестушко Ю.С., Е.В.Савелова Е.В. Инсулярность как ядро этнокультурной идентичности (на примере сравнительно-сопоставительного анализа Великобритании и Японии) // Японские исследования. 2023. №3. с. 49–62.
- Мальтус Т.Р. Опыт закона о народонаселении / пер. И.А. Вернера. Москва: Издание К.Т. Солдатенкова. 1895.
- Мещеряков А.Н. Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения. Москва: Дело. 2014.
- Мещеряков А.Н. Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения. Москва: «Лингвистика». 2022.
- Мещеряков А.Н. Японская эмиграция: от революции Мэйдзи до Второй мировой войны (практический и эмоциональный контекст) // Японские исследования. 2022а. №1.
- Мещеряков А.Н. Безымянная Япония: демографическое, историческое и человеческое измерение. Москва: Лингвистика. 2023.
- Мещеряков А.Н. Мещеряков А.Н. Идея моногамии и семейные отношения в Японии периода Мэйдзи // Вопросы философии. 2023а. №7. с. 185–195.

REFERENCES

- Bacci, Massimo Livi. (2010). *Demograficheskaya istoriya Evropy* [Demographic History of Europe]. Saint Petersburg: Alexandria. (In Russian).
- Kaga, Otohiko (2020). *Stolitsa v ogne* [The Capital in Flames]. Ed. by A.N. Meshcheryakov. Translated by A.P. Belyaev, A.V. Kostyrkin, A.N. Meshcheryakov, S.A. Rodin, E.B. Saharova, E.S. Tarasova, M.V. Toropygina. Vol. 3. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).
- Lugovskoy, A.V., Pestushko, Y.S., Savelova, E.V. (2023). Insulyarnost' kak yadro etnokul'turnoi identichnosti (na primere sravnitel'no-sopostavitel'nogo analiza Velikobritanii i Yaponii) [Insularity as a core of ethnocultural identity (a comparative study of Great Britain and Japan)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 3, 49–62. (In Russian).
- Malthus, Thomas Robert. (1895). *Opyt zakona o narodonaselenii* [Essay on the Principle of Population]. Translated by I.A. Verner. Published by K.T. Soldatenkov. Moscow. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2014). *Terra Nipponica: sreda obitaniya i sreda voobrazheniia* [Terra Nipponica: Natural Enviroment and Its Perception]. Moscow: Delo. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2022). *Terra Nipponica: sreda obitaniya i sreda voobrazheniia* [Terra Nipponica: Natural Enviroment and its Perception]. Moscow: Lingvistika. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2022a). Yaponskaya emigratsiya: ot revolyutsii Meidzi do Vtoroi mirovoi voiny (prakticheskii i emotsional'nyi kontekst) [Japanese Emigration: From the Meiji Revolution to World War II (Practical and Emotional Context)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 1, 78–94. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2023). *Bezymyannaya Yaponiya: demograficheskoe, istoricheskoe i chelovecheskoe izmerenie* [Nameless Japan: Demographic, Historical and Human Dimension]. Moscow, Lingvistika, 2023. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2023a). Ideya monogamii i semeinye otnosheniya v Yaponii perioda Meiji [The idea of monogamy and family relationships in Japan during the Meiji period]. *Voprosy filosofii*, 7, 185–195. (In Russian).

* * *

- Fukuzawa, Yukichi. (2009). *Bunmeiron no Gairyaku* [An Outline of a Theory of Civilization]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).
- Fukuzawa, Yukichi. (2021). *Fukuo Jiden* [The Autobiography of Fukuzawa Yukichi]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).
- Hayami, Akira. (2009). *Population, Family and Society in Pre-Modern Japan*. Folkestone: Global Oriental.
- Hirakawa, Sukehiro. (2008). *Japan's Love-Hate Relationship with the West*. Folkestone: Global Oriental.
- Hiratsuka. (1983). *Hiratsuka Raichō. Chosakushū* [Works of Hiratsuka Raicho], Vol. 1. Tokyo: Otsuki Shoten. (In Japanese).
- Huffman, J.L. (1997). *Creating a Public: People and Press in Meiji Japan*. University of Hawaii Press.
- Nishikawa Joken. (1988). *Nihon Suido Kō. Suido Kaiben. Kai tsūshō* [Thoughts on Japanese Land and Seas. On Land and Seas. Thoughts on Trade and Communication With the Civilized and the Barbaric]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).
- Sōseki. (1957). *Sōseki zenshū* [Complete Works], Vol. 34. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).
- Sūji. (1986). *Sūji de Miru Nihon no Hyakunen* [One Hundred Years of Japan in Numbers]. Tokyo: Kokuseisha. (In Japanese).
- Tokutomi, Sohō. (1894). *Dainippon Bōchōron* [On Expansionism of Great Japan]. Tokyo: Min'yusha. (In Japanese).
- Uchimura, Kanzō. (2011). *Chijinron* [On Land and Its People]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).
- Yanaihara, Tadao. (1928). *Jinkō Mondai* [Demographic Problem]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 07.11.2023

Received: 07 November 2023

Принята к публикации: 22.01.2024

Accepted: 22 January 2024